

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Сотворение этой книги	9
Глава 1. Проблема	25
Глава 2. Что именно несовместимо?	59
Что такое наука?	61
Что такое религия?	78
Несовместимость	106
Конфликт методов	108
Конфликт результатов	139
Конфликт философий	141
Глава 3. Почему примиренчество терпит неудачу	149
Разновидности примиренчества	151
Наука против сверхъестественного	168
Как насчет чудес?	179
Три прецедента	184
Была ли эволюция человека неизбежной?	205
Теологические проблемы, связанные с теистической эволюцией	213

Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>

Глава 4. Вера наносит ответный удар	219
Новая естественная теология.....	221
Действительно ли наука — единственный «способ познания»?.....	264
Выдумка о сциентизме.....	278
Глава 5. Почему это важно?	315
Жестокое обращение с детьми: вера вместо лекарств	320
Противодействие исследованиям и вакцинации	333
Противодействие эвтаназии.....	338
Отрицание глобального потепления.....	340
Бывает ли вера полезна?	347
Возможен ли диалог между наукой и религией?	354
Благодарности	363
Примечания	365
Литература	381

Бог — это гипотеза, и как таковая она нуждается в доказательстве: *onus probandi** ложится на верующего.

Перси Биши Шелли

Мы уже сравнивали преимущества теологии и науки. Когда миром правили богословы, он был полон хижин и лачуг для многих, дворцов и соборов для единиц. Почти для всех детей человеческих чтение и письмо были неизвестными искусстваами. Бедные были одеты в тряпье и шкуры, грызли сухие корки и глодали кости. Но пришла заря дня Науки, и роскошества вековой давности стали обыденностью. Люди, занимающие в жизни далеко не самое высокое положение, могут позволить себе больше удобства и элегантности, чем князья и короли теологических времен. Но превыше всего этого — развитие разума. Сегодня в мозгу среднего человека — механика или химика, биолога или изобретателя — куда больше ценного, чем содержалось 400 лет назад в мозгах всего мира.

Все эти блага не упали с неба. И не получены из рук служителей религии. Они не найдены в соборах или за алтарями — да и искали их не с церковными свечами. Они не увидены закрытыми глазами верующего и не получены в ответ на суеверную мольбу. Они дети свободы, дары разума, наблюдения и опыта — и за все эти блага человек в долгу у человека.

Роберт Грин Ингерсолл

* Бремя доказывания (лат.).

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сотворение этой книги

В науке хорошо то, что она истинна вне зависимости от того, верите вы в нее или нет.

Нил Деграсс Тайсон

В феврале 2013 года я дискутировал с молодым лютеранским богословом по весьма животрепещущему вопросу: «Совместимы ли наука и религия?» Дебаты проходили в Круглой конгрегационалистской церкви Чарльстона — одной из старейших церквей американского Юга. После того как каждый из нас произнес двадцатиминутную речь в защиту своего тезиса (она защищала ответ «да», тогда как я говорил «нет»), нас попросили резюмировать свои взгляды в одном предложении. Не помню, что я тогда сказал, но могу повторить слова девушки-богослова: «Мы всегда должны помнить, что вера — это дар».

Я оказался крепок задним умом и придумал идеальный ответ лишь после того, как нужный момент миновал. Вскоре после окончания дебатов я не только вспомнил, что *Gift* по-немецки означает «яд», но и сообразил, что последние слова богослова опровергают ее собственный тезис о том, что наука и религия совместимы. Как бы я тогда ни резюмировал свои взгляды на самом деле, нужно было сказать следующее: «Может быть, в религии вера — это дар, но в науке она — яд, ибо вера — неподходящий путь для поиска истины».

Данная книга дает мне шанс это сказать. В ней говорится о том, как по-разному наука и религия рассматривают веру

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

и почему это делает их несовместимыми в исследовании Вселенной. Мой тезис таков: религия и наука во многом конкурируют в описании реальности — они обе делают «экзистенциальные заявления» о том, что реально, — но используют для этой цели разные инструменты. И я утверждаю, что инструментарий науки, основанный на разуме и эмпирических исследованиях, надежен, тогда как инструментарий религии — включая веру, догму и откровение — ненадежен и приводит к неверным, непроверяемым или противоречивым выводам. В самом деле, полагаясь на веру вместо доказательств, религия просто не способна отыскать истину.

Далее, я убежден, — и в этом я отличаюсь от многих «примиренцев», которые рассматривают религию и науку если не как взаимодополняющие или гармоничные, то по крайней мере непротиворечивые сущности, — что религия и наука находятся в состоянии своеобразной войны. Войны за понимание, войны во имя того, нужны ли нам разумные доводы, чтобы принять что-либо за истину.

Хотя в этой книге речь идет о конфликте между религией и наукой, я рассматриваю этот конфликт как одно из сражений более масштабной войны — войны между рациональностью и суеверием. Религия — лишь одна из разновидностей суеверия (а еще вспомните веру в астрологию, паранормальные явления, гомеопатию и духовное целительство), но при этом самая распространенная и вредная. А наука — лишь одна из форм рациональности (другими будут философия и математика), но это высокоразвитая форма, причем единственная, способная описывать и понимать реальность. Все суеверия, претендующие на истину, на самом деле представляют собой своего рода псевдонауки и используют схожие тактики, чтобы обезопасить себя от разоблачений. Как мы увидим, поборники всевозможных псевдонаук вроде гомеопатии или экстрасенсорики часто защищают свои убеждения при помощи тех же аргументов, что и богословы.

Несмотря на то что споры науки и религии — всего лишь одно сражение войны между рациональностью и иррациональностью, по нескольким причинам я сосредоточусь именно на них.

Во-первых, в последнее время эти трения стали более распространенными и заметными — скорее всего, из-за нового компонента в критике религии. Наиболее свежий аспект «нового атеизма» — формы неверия, характерной для Сэма Харриса и Ричарда Докинза, — это наблюдение о том, что большинство религий основаны на заявлениях, которые можно рассматривать как научные (во взглядах «старых» атеистов вроде Жан-Поля Сартра и Бертрана Рассела этого компонента не было). То есть Бог и положения многих религий представляют собой гипотезы, которые можно, по крайней мере в принципе, проверить посредством науки и разума. Если религиозные заявления не могут быть подтверждены надежными доказательствами, рассуждают далее новые атеисты, они как недостоверные научные заявления должны быть отвергнуты до появления иных данных. Этот довод подкрепляется новыми достижениями науки в космологии, нейробиологии и эволюционной биологии. Открытия в этих областях подрывали религиозные заявления о том, что такие явления, как происхождение Вселенной и существование у человека морали и совести, не поддаются научному объяснению и доказывают, таким образом, существование Бога. Видя, как сокращаются их владения, верующие стали более настойчиво утверждать, что на самом деле религия — это способ познания природы, дополняющий науку. Но важнейшая причина сосредоточиться именно на религии заключается вовсе не в необходимости задокументировать исторический конфликт. Дело в том, что из всех форм суеверия религия сильнее всего вредит обществу. Мало кому всерьез повредит вера в астрологию, но, как мы увидим в заключительной главе, от веры в конкретного бога или от идеи о том, что вера — это добродетель, пострадали многие.

Я испытываю как личный, так и профессиональный интерес к этой проблеме. Всю свою взрослую жизнь я преподавал и изучал эволюционную биологию — самую шельмуемую и отвергаемую религией область науки. И еще немного о себе. Я воспитан как светский еврей — а это, как известно большинству, лишь чуть-чуть не дотягивает до атеизма. Но моя и без того неопределенная вера в Бога была оставлена почти мгновенно в 17 лет. Слушая альбом The Beatles «Sergeant Pepper», я вдруг

осознал, что для религиозных догм, которым меня учили, — и для любых других тоже — попросту не существует доказательств. Таким образом, с самого начала мое неверие опиралось на отсутствие доказательств божественного. По сравнению со многими другими я отверг Бога быстро и безболезненно. Но после этого я совершенно не задумывался о религии, пока не стал профессиональным ученым.

Стать эволюционным биологом — лучший способ с головой погрузиться в конфликт между наукой и религией. Чуть ли не половина американцев полностью отрицает эволюцию и буквально интерпретирует Библию, согласно которой каждый ныне живущий вид (по крайней мере, наш собственный вид) был одномоментно создан из ничего божественной сущностью менее 10 000 лет назад. А большинство оставшихся верит, что Бог направлял эволюцию по тому или иному пути. Эта позиция откровенно отрицает натуралистические представления эволюционных биологов: что эволюция, как и все прочие явления нашей Вселенной, представляет собой следствие законов физики и возникает безо всякого сверхъестественного вмешательства. В общем, лишь каждый пятый американец принимает эволюцию в ее чисто естественном варианте — то есть такой, какой ее видят ученые.

Читая свой первый курс по эволюции в Мэрилендском университете, я слышал ее противников собственными ушами. На площади прямо под окнами аудитории некий проповедник частенько вещал о том, что эволюция — это орудие Сатаны. И многие из моих студентов, честно заучивая материал об эволюции, в то же время ясно давали понять, что не верят ни единому моему слову. Заинтересовавшись тем, что подобное неприятие существует, несмотря на многочисленные свидетельства в пользу эволюции, я начал читать литературу о креационизме¹. Сразу же стало очевидно, что несогласие

¹ Креационизм (от лат. *creatio*, род. п. *creationis* — творение) — теологическая и мировоззренческая концепция, согласно которой основные формы органического мира (жизнь), человечество, планета Земля, а также мир в целом рассматриваются как непосредственно созданные Творцом или Богом. — Здесь и далее прим. ред.

с эволюцией идет от религии. Мало того, среди десятков видных креационистов, которых мне приходилось встречать, я знал лишь одного — философа Дэвида Берлински, — чьи взгляды продиктованы не религией.

Наконец, после 25 лет преподавания, когда на каждом шагу приходилось сталкиваться с сопротивлением, я решил обратиться к проблеме креационизма единственным известным мне способом: написать популярную книгу и изложить в ней свидетельства в пользу эволюции. А свидетельств таких горы. В пользу эволюции говорит палеонтологическая летопись, эмбриология, молекулярная биология, география растений и животных, развитие и строение тел животных и т.д. Забавно, но никто до меня не писал ничего подобного. Практичные (пусть даже скептически настроенные) люди, считал я, не смогут не принять научный взгляд на эволюцию, если увидят изложенные черным по белому доказательства.

Я ошибался. Моя книга «Почему эволюция истинна» (*Why Evolution Is True*) имела успех (она даже ненадолго попала в список бестселлеров *New York Times*), и я получил немало писем от религиозных читателей с уверениями в том, что «обратил» их в эволюционную веру. Но доля креационистов в Америке нисколько не убавилась. Уже 32 года она колеблется между 40 и 46%.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять всю бесплодность убеждения американцев в эволюции при помощи объективных доказательств. Вера заставляла их отвергать факты даже тогда, когда те оказывались у них прямо под носом. В предыдущей книге я вспоминал момент, когда до меня это дошло. Группа бизнесменов в фешенебельном пригороде Чикаго, устав от деловых бесед, решила развлечься научной лекцией. Они пригласили меня поговорить об эволюции на своем еженедельном собрании за ланчем. Я прочел им щедро проиллюстрированную лекцию о свидетельствах эволюции, с фотографиями окаменелостей переходных форм, рудиментарных органов и аномалий развития, таких как исчезающие зачатки ног у дельфиновых эмбрионов. Казалось, слушатели оценили мои усилия. Однако после лекции один

из присутствующих подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Доктор Койн, ваши свидетельства эволюции показались мне очень убедительными — но я все равно в нее не верю».

Я был ошарашен. Как так может быть, что кто-то нашел доказательства убедительными, но по-прежнему не убежден? Ответ, разумеется, таков: религия давным-давно обеспечила этому человеку прививку от подобных доказательств.

Как ученый, воспитанный практически вне религии, я был не в состоянии понять, как что бы то ни было может заставить человека закрыть глаза на достоверные данные и убедительные доказательства. Почему люди не могут быть религиозными и при этом принимать эволюцию? Этот вопрос заставил меня прочесть огромное количество литературы о взаимоотношениях науки и религии. Я убедился в том, что большая ее часть на самом деле представляет то, что я называю «примиренчеством». Она рассматривает две эти области как совместимые и взаимодополняющие или по крайней мере не конфликтующие друг с другом. Но поскольку я копал глубже и начал читать также и теологические труды, то понял, что между наукой и религией существуют неустрашимые противоречия. В примиренческой литературе их обычно стараются сгладить или обойти.

Далее я начал понимать, что сама теология или по крайней мере претензии на истинное знание о Вселенной, предъявляемые религией, превращают ее в своего рода науку. Но науку, которая использует слабые доказательства для сильных заявлений о том, что на самом деле истинно. Будучи ученым, я видел глубокие параллели между тем, как теология оправдывает веру, апеллируя к опыту и здравому смыслу, и той тактикой, при помощи которой псевдоученые защищают свои позиции. Одна из таких параллелей — безусловная готовность защищать и оправдывать свои утверждения. А это полностью противоречит научной практике постоянной проверки собственных утверждений на ошибочность. Тем не менее религиозным людям случалось отвечать головой за истинность свидетельств, которые и близко не стояли с данными, которые требуются правительству США для регистрации нового

антидепрессанта. В конце концов я понял, что утверждения о совместимости науки и религии слабы и опираются на такие тезисы о природе религии, с которыми на самом деле мало кто из верующих готов согласиться. Также я понял, что религию невозможно совместить с наукой, не разбавив ее настолько сильно, что она перестанет быть религией и превратится в гуманистическую философию.

Таким образом я на практике убедился в том, что другие оппоненты креационизма могли мне сказать сразу: чтобы убедить американцев в истинности эволюции, мало дать им факты. Также необходимо избавить их от веры, то есть от убеждений, которые заменяют потребность в доказательствах простой эмоциональной верностью. Я попытаюсь убедить вас в том, что религия в том виде, в каком ее практикует большинство верующих, серьезно противоречит науке. И этот конфликт губителен как для самой науки, так и для восприятия ее широкой общественностью (ее представлений о том, что может и чего не может рассказать нам наука). Кроме того, я попробую доказать, что утверждение о том, что религия и наука представляют собой взаимно дополняющие «способы познания», дает религии неоправданное доверие. А это доверие в его крайних формах — причина множества человеческих смертей. В конечном итоге оно вполне способно помочь нашему биологическому виду исчезнуть с лица Земли вместе с большей частью живых существ.

Таким образом, наука и религия — конкуренты в деле поиска истины о Вселенной. Причем религия потерпела тут явную неудачу, поскольку ее инструменты распознавания «истины» бесполезны. Эти области несовместимы — как несовместимы рациональность с иррациональностью.

Хотя позвольте мне кое-что пояснить.

Во-первых, некоторые «религии», такие как джайнизм и ориентированные на медитацию варианты буддизма, не делают или почти не делают заявлений о том, что существует во Вселенной. (Вскоре я дам определение религии, из которого будет ясно, что я имею в виду.) Приверженцы некоторых других вер — квакеры или унитарянцы-универсалисты — очень

разнородны, причем иные из них неотличимы от агностиков или атеистов, практикующих туманную, но безбожную духовность. Поскольку верования таких людей часто не теистичны (то есть не связаны ни с каким божеством, которое взаимодействовало бы с миром), шансов на конфликт с наукой у них заметно меньше. В этой книге речь идет в основном о теистических верованиях. Они не исчерпывают собой список всех религий, но включают в себя большую их часть и основную массу верующих на Земле.

По нескольким причинам я сосредоточил свое внимание на авраамических верованиях: исламе, христианстве и иудаизме. Именно об этих религиях я больше всего знаю. Кроме того, именно они — особенно христианство — сильнее всего озабочены примирением своих догм с наукой. Хотя по ходу книги я упоминаю и другие верования, в основном ее текст посвящен различным ветвям христианства. Точно так же я буду говорить в основном о науке и религии в США, ибо здесь конфликт между ними заметнее всего. В Старом Свете эта проблема менее актуальна, потому что доля теистов, особенно в северной Европе, намного ниже, чем в Америке. На Ближнем Востоке, с другой стороны, где ислам глубоко и по-настоящему конфликтует с наукой, подобные дискуссии часто рассматриваются как еретические.

Наконец, даже в рамках авраамических религий существуют ответвления, положения которых настолько неопределенны, что попросту неясно, конфликтуют они с наукой или нет. Апофатическое, или «негативное» богословие², к примеру, не спешит утверждать что бы то ни было о природе или даже существовании какого-либо бога. Некоторые прогрессивные христиане говорят о Боге скорее как об «основании бытия», нежели как о сущности, обладающей человеческими чувствами

² Апофатическое богословие (др. — греч. ἀποφατικός «отрицательный») — богословский метод, заключающийся в выражении сущности Божественного путем последовательного отрицания всех возможных его определений как несоизмеримых ему, познании Бога через понимание того, чем Он не является. В противоположность положительным определениям утверждаются отрицательные: начиная, например, с «безгрешный», «бесконечный», «бессмертный» и заканчивая «ничто».

и свойствами и ведущей себя определенным образом. Хотя иные богословы утверждают, что именно эти представления о Боге «наиболее сильны», на самом деле они столь лаконичны, что их просто труднее всего обличать и даже просто обсуждать. Любому, кто хоть немного знаком с религией, очевидно, что большинство людей не придерживается подобных смягченных версий религии, а принимает вместо этого полноценного персонализированного бога, который без стеснения вмешивается в людские дела.

Это приводит нас к достаточно распространенному утверждению о том, что критики религии нередко прибегают к логической уловке, известной как «соломенное чучело»³. Они, дескать, искажают позицию оппонента и рассматривают всех верующих как буквалистов Писания или фундаменталистов, не обращая при этом внимания на «сильные и сложные» варианты религии, которых придерживаются прогрессивные богословы. Подлинная дискуссия о совместимости веры и науки, как следует из этой позиции, требует, чтобы мы имели дело только со сложными версиями веры. Ибо если мы определяем религию как «представления обычного верующего», то говорить о несовместимости этих взглядов с наукой столь же нелепо, как определять науку как примитивные и часто неверные представления о ней обычного человека.

Однако такая параллель неверна в нескольких отношениях. Во-первых, хотя многие обычные люди придерживаются неверных представлений о науке, они ею не занимаются и не рассматриваются как часть научного сообщества. Напротив, средний верующий не только практикует религию, но и принадлежит к религиозному сообществу, которое пытается распространить свою веру на более широкий круг лиц. Далее, хотя богословы, возможно, больше знают об истории религии или о работах других богословов, чем обычные верующие, у них,

³ «Соломенное чучело» — логическая уловка, заключающаяся в создании фиктивной точки зрения и ее опровержении. Один из участников спора искажает какой-либо тезис своего оппонента, подменяя его похожим, но более слабым или абсурдным. А затем опровергает этот искаженный аргумент, создавая при этом видимость того, что был опровергнут первоначальный тезис.

те не менее, нет никаких специальных знаний о природе Бога, его намерениях и способах взаимодействия с миром. В понимании положений веры «обычные» верующие намного ближе к богословам, чем люди, интересующиеся наукой, к физикам и биологам, которыми восхищаются. В этой книге я буду рассматривать утверждения как рядовых верующих, так и богословов. Хотя проблема взаимоотношений веры и науки очень важна для обычных верующих, именно богословы при помощи формальных аргументов убеждают последователей религии в том, что их вера вполне совместима с наукой.

Хочу подчеркнуть, что мое утверждение о несовместимости науки и религии не означает, что большинство религиозных людей полностью отвергают науку. Даже эволюционную биологию (а к ней у верующих больше всего претензий) признают многие иудеи, буддисты, христиане и прогрессивные мусульмане. К тому же у большинства верующих не возникает никаких проблем со сверхновыми звездами, фотосинтезом и гравитацией. Конфликт разыгрывается лишь в некоторых конкретных областях науки, а также в области проверки религиозных взглядов в целом. В моих утверждениях о несовместимости речь идет не о восприятии людей, а о том, как по-разному наука и религия подкрепляют свои взгляды на реальность.

Для начала я предъявляю свидетельства того, что конфликт между религией и наукой серьезен и обширен. Среди этих свидетельств — нескончаемый поток книг и официальных заявлений со стороны как ученых, так и богословов, о том, что на самом деле наука и религия вполне совместимы. Но используются при этом разные и порой противоречащие друг другу аргументы. Количество и разнообразие подобных заверений указывает на то, что проблема существует и до сих пор не решена. Дальнейшие свидетельства конфликта включают в себя тот факт, что значительная доля американских и английских ученых — атеисты. Доля неверующих среди ученых примерно в десять раз выше, чем среди населения в целом. Кроме того, в Америке и других странах существуют законы, дающие религии преимущество перед

наукой. Пример тому – медицинское обслуживание детей. Наконец, на конфликт между наукой и религией – или, если угодно, между наукой и верой, – указывают вездесущий креационизм и убежденность в пользе религиозного и духовного целительства.

В главе 2 излагаются условия договора: я расскажу что понимаю под наукой и религией и что имею в виду, когда говорю о «несовместимости». Я убежден и попробую доказать, что несовместимость действует на трех уровнях: методологии, результата и философии, и какие именно «истины» раскрываются наукой и какие религией.

Глава 3 рассмотрит примиренчество и проанализирует доводы религиозных людей и научных организаций в пользу гармонизации науки и веры. Два самых распространенных аргумента таковы: существование религиозных ученых и известная идея Стивена Гулда о «непересекающихся магистриях», согласно которой наука имеет дело с царством фактов о Вселенной, тогда как религия занимает независимое царство смысла, морали и духовных ценностей. В конце концов стратегия примиренчества терпит поражение, поскольку не устраняет гигантское неравенство между выявлением «истин» посредством разума и посредством веры. Я опишу три примера проблем, которые возникают, когда успехи науки откровенно противоречат религиозным догмам. Это теистическая (управляемая Богом) эволюция, утверждения о существовании Адама и Евы и представления мормонов о том, откуда взялись американские индейцы.

В главе 4, названной «Вера наносит ответный удар», речь пойдет не только о том, как религия вносит вклад в науку, но и о том, как верующие принижают науку, защищая собственные воззрения. Доводы различны и включают в себя утверждения о том, что наука на самом деле поддерживает идею Бога, давая ответы на вопросы, которые вроде бы находятся за пределами ее поля деятельности. Я называю эти попытки «новой естественной теологией» и считаю их современной версией аргументов XVIII–XIX веков, целью которых было продемонстрировать следы длани Господней в природе.

В осовремененной версии эти тезисы говорят о предполагаемой тонкой настройке Вселенной⁴. Законы природы, дескать, не могли допустить появления жизни на Земле, эволюция нашего вида была неизбежна, а человеческая мораль имеет множество нюансов, которые не поддаются научному объяснению (но поддаются религиозному). Кроме того, я рассмотрю идею о «других способах познания»: утверждение о том, что наука — не единственный способ добраться до истины. Я убежден, что на самом деле наука — единственный способ это сделать, если толковать понятие «наука» в широком смысле. Наконец, я рассмотрю обвинения верующих из категории «на себя посмотри»: наука, мол, выросла из религии или страдает теми же проблемами. Здесь тоже возможны варианты: наука на самом деле — продукт христианства; наука задействует непроверяемые аксиомы, а значит, основана на вере; наука несовершенна; наука продвигает «сциентизм», то есть, по ее мнению, ненаучные вопросы неинтересны. И наконец — последний оплот верующих: если, дескать, религии и случалось наносить вред, то наука не менее вредоносна, ведь она дала человечеству евгенику и ядерное оружие.

Почему вообще нас должен интересовать вопрос о совместимости науки и религии? Об этом вы узнаете в последней главе, где будет показано, почему опора на веру, когда под рукой имеются разум и факты, наносит колоссальный вред и становится причиной множества смертей. Среди очевиднейших примеров — религиозное целительство. Находясь под защитой американских законов, оно убило немало людей, включая детей, которые не выбирают, как их будут лечить. Противодействие исследованиям стволовых клеток, отказ от вакцинации и отрицание всемирного потепления также порой опираются на религию. Я утверждаю, что если бы человек должен

⁴ Тонкая настройка Вселенной — концепция в теоретической физике, согласно которой в основе Вселенной и ряда ее составляющих лежат не произвольные, а строго определенные значения фундаментальных констант, входящих в физические законы. В состав минимального списка этих фундаментальных мировых констант обычно включают скорость света, гравитационную постоянную, постоянную Планка, массы электрона и протона, а также заряд электрона.

был подкреплять свое мнение доказательствами и разумом, а не верой, мы бы меньше конфликтовали в вопросах эвтаназии, прав сексуальных меньшинств, контроля рождаемости и сексуальной морали. Наконец, я порассуждаю о том, полезна ли вера в принципе. Бывают ли моменты, когда иметь убеждения, не подкрепленные или почти не подкрепленные фактами, это нормально? Смогут ли наука и религия вести конструктивный диалог о подобных вещах?

Я хорошо понимаю, что критика религии — деликатное дело (классическая запрещенная тема в светской беседе). Она вызывает бурную реакцию даже у тех, кто не относит себя к верующим, но считает веру полезной для общества. Поэтому мне следует не только рассказать о том, что содержится в этой книге, но и объяснить, чего в ней нет.

В основном я говорю о религии, но моя цель не в том, чтобы показать, как дурно она влияет на общество. Сам я в этом убежден и в последней главе подчеркну некоторые проблемы, связанные с верой. Однако глупо отрицать, что именно религия часто становится причиной актов доброты и милосердия. Кроме того, она всегда служила утешением при неизбежных утратах и невзгодах человеческой жизни и побуждала помогать другим. В конечном итоге невозможно точно определить силу хорошего и плохого влияния религии в истории человечества.

Мой основной тезис намного уже и, как мне кажется, более доказуем: к пониманию реальности (в смысле способности использовать известное для того, чтобы предсказать неизвестное) лучше подходить с помощью инструментов науки, ведь методами веры этого просто не достичь. Свидетельство тому — общепризнанные успехи науки в познании всего, от мельчайших частиц до происхождения Вселенной. Сравните это с провальными попытками религии рассказать нам хоть что-то о богах, в том числе существуют ли они в принципе. В то время как научные исследования сходятся на единых результатах, религиозные изыскания расходятся, порождая бесчисленные секты самого разного толка, противоречия между которыми неразрешимы. Пользуясь научными прогнозами, мы научились отправлять космические зонды не только

на далекие планеты, но и на кометы. Мы выпускаем препараты против конкретной формы рака у конкретных людей. Мы с высокой вероятностью можем определить, какие вакцины против гриппа будут эффективными в наступающем сезоне. Мы придумываем, как окончательно избавить Землю от таких напастей, как оспа и полиомиелит. Что касается религии, она не в состоянии даже объяснить, существует ли жизнь после смерти (не говоря уже о том, на что та похожа).

Подлинный вред примиренчества состоит в ослаблении разума путем внедрения бесполезных методов поиска истины, особенно связанных с верой. Сэм Харрис отмечает:

Дело не в том, что мы, атеисты, способны доказать, что религия приносит больше вреда, чем пользы (хотя сам я считаю, что это заявление можно обосновать, и, на мой взгляд, чаша весов с каждым днем склоняется в сторону зла). Дело в том, что религия остается единственной формой дискурса, которая побуждает взрослых мужчин и женщин делать вид, что они знают вещи, которых явно не знают (и знать не могут). Если в мире и существовали взгляды, идущие вразрез с наукой, то это они. А правоверных побуждают и дальше удерживать на плечах этот неподъемный груз лжи и самообмана. Побуждают все, кого они встречают на своем пути, — как единоверцы, так и люди другой веры, а теперь с поразительной частотой еще и ученые, которые, по их собственным утверждениям, не имеют веры.

Я утверждаю, что наука — это единственный способ по-настоящему познать Вселенную. Но я вовсе не призываю к созданию общества, полностью управляемого наукой. Большинство людей видят такое общество как мир роботов, в котором нет места эмоциям, отсутствуют искусство и литература, а человек не жаждет быть частью чего-то большего, чем он сам, — а ведь именно эта жажда приводит многих к вере. Такой мир, вне всякого сомнения, был бы однообразным и безрадостным. Скорее я бы сказал, что научный взгляд (в широком смысле) не только помогает нам принимать лучшие решения как для себя, так и для общества в целом, но и оживляет бесчисленные

чудеса науки, недоступные тем, кому она ошибочно кажется чем-то далеким и опасным. Что может быть более завораживающим, чем наконец-то понять, откуда мы (и все прочие виды) взялись, — вопрос, который я изучаю всю свою жизнь? А самое главное, никакого обесценивания эмоциональных потребностей человека. Я живу по принципам, которые рекомендую в этой книге, но встретив меня на вечеринке, вы никогда не догадаетесь, что я ученый. Я не менее других эмоционален и люблю живопись. Хорошее кино или книга без труда вызывают у меня слезы, и я всегда стараюсь помогать тем, кому меньше повезло в жизни. Но веры у меня нет. У меня есть все необходимые человеку эмоциональные качества — за исключением уверенности в загробной жизни — без религиозных суеверий.

Тем не менее я не готов обсуждать, чем и как следует заменить религию, когда она исчезнет с лица Земли. (А уверен, что рано или поздно это неизбежно произойдет.) Очевидно, что это зависит от наших эмоциональных потребностей. Тем, кто интересуется возможными решениями этой проблемы, стоит заглянуть в прекрасную книгу Филипа Китчера «Жизнь после веры. Дело для светского гуманизма» (Life After Faith).

Наконец, я не буду обсуждать исторические, эволюционные и психологические истоки религии. Существуют десятки гипотез о том, откуда взялись религиозные верования и почему они так живучи. Некоторые привлекают к делу непосредственную эволюционную адаптацию. Другие говорят о побочных результатах эволюции, таких как склонность во всех событиях видеть осознанную волю. Третьи расписывают, как полезна вера в деле объединения людей или способа ими управлять. Определенные ответы неочевидны и, возможно, никогда не будут получены. Чтобы изучить множество светских теорий о религии, начинать следует с «Почему мы верим» Паскаля Буайе⁵ и «Разрушения заклатья» (Breaking the Spell) Дэниела Деннета.

Я буду считать, что достиг цели, если к концу книги вы станете требовать, чтобы люди аргументировали свою

⁵ Буайе П. Почему мы верим: Природа религиозного мышления. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017.

веру — не только в религии, но в любой области, где возможны доказательства. Я буду считать, что достиг цели, если люди начнут выбирать для себя систему верований столь же тщательно, как выбирают врача. Я буду считать, что достиг цели, если люди перестанут придавать особый вес суждениям о Вселенной и о человеке всевозможных проповедников, имамов и церковников лишь потому, что все это религиозные деятели. И, самое главное, я буду считать, что достиг цели, если характеристика «верующий человек» будет звучать скорее критикой, нежели похвалой.

ГЛАВА 1

Проблема

Ибо мы часто говорили о моей дочери, которая умерла осенью от лихорадки. И я считал, что то была воля Господня, но мисс Энни, она говорила, что все дело в сточных трубах.

Альфред Теннисон

В современном мире не кипят горячие споры о примирении с религией спорта, литературы или бизнеса. На повестке дня стоит вопрос о гармонизации науки и религии. Но почему из всех человеческих занятий, которые можно сравнить с религией, нас так беспокоят ее отношения именно с наукой?

Ответ, на мой взгляд, очевиден. Наука и религия (в отличие, скажем, от бизнеса и религии) конкурируют в деле поиска истин о мире. И наука — единственная область, способная опровергнуть претензии религии на истину в последней инстанции. Более того, она неоднократно это делала (вспомним, к примеру, рассказ Книги Бытия, да и других религий, о сотворении мира, историю Потопа и мифический Исход евреев из Египта). Религия, с другой стороны, не способна опровергнуть истины, установленные наукой. Именно эта конкуренция и способность науки разрушить гегемонию веры — но не наоборот — порождает многочисленные дискуссии о том, как две эти области соотносятся друг с другом и как найти гармонию между ними.

Вообще говоря, можно утверждать, что разногласия между наукой и религией начались в тот самый момент, когда естественные науки стали формальной дисциплиной, то есть

в Европе XVI века. Развитие науки, разумеется, началось задолго до этого – в Древней Греции, Китае, Индии и на Ближнем Востоке. Но открытый конфликт с религией стал возможен только тогда, когда религия обрела власть и утвердила догмы, что позволяло управлять обществом. Для этого пришлось подождать расцвета христианства и ислама, а также научных результатов, ставящих религиозные истины под сомнение.

Таким образом, последние 500 лет стали временем противостояния науки и веры. Это не было одним непрерывным конфликтом, скорее, эпизодическими и яркими вспышками человеческой враждебности. Два самых известных случая – выяснение отношений Галилея с церковью и «Обезьяний процесс» Джона Скоупса в 1925 г. Галилея в 1632 г. приговорили к пожизненному домашнему аресту за утверждение о гелиоцентричности Солнечной системы. Что касается «Обезьяньего процесса», в его рамках произошла титаническая битва между Кларенсом Дэрроу и Уильямом Дженнингсом по поводу того, имеет ли школьный учитель право говорить ученикам, что человек возник в ходе эволюции (присяжные постановили, что не имеет). Оба эти инцидента богословы и историки из лагеря примиренцев не считают свидетельствами конфликта между наукой и религией, – в подобных случаях обычно вспоминают о «политике», «власти» или «личной ненависти». Тем не менее религиозные корни этих диспутов очевидны. Но даже если оставить в стороне эти эпизоды, можно вспомнить немало случаев, когда церковь того или иного толка осуждала или даже замедляла развитие науки. Чуть позже я коротко расскажу о двух книгах, в которых можно найти описание подобных ситуаций. (Конечно, иногда церковь и способствовала успехам науки. Так, во времена появления вакцинации против оспы служителей церкви можно было найти по обе стороны баррикад. Одни говорили, что вакцинация – это общественное благо, другие – что это узурпация исключительной власти Господа над жизнью и смертью.)

Но до определенного момента никакие конфликтные эпизоды не порождали общественной дискуссии об отношениях

науки и религии. Такая дискуссия стала возможна лишь в XIX веке, и толчком к ее началу послужила, судя по всему, публикация книги Чарльза Дарвина «О происхождении видов» в 1859 г. Эта книга — величайший из когда-либо написанных разрушителей Писания. Она (ненамеренно) расправилась с множеством библейских утверждений и наглядно показала, что наблюдаемые в природе закономерности, которые прежде объяснялись существованием Великого архитектора, вполне можно объяснить естественными процессами — эволюцией и естественным отбором.

Современная дискуссия о столкновениях науки и религии, в которых наука располагает более мощным оружием, началась с двух книг, опубликованных в конце XIX века. Историки науки считают, что именно они запустили в массы «тему конфликта» — идею о том, что религия и наука не просто воюют друг с другом, но воюют непрерывно, что церковные власти при каждой возможности противостоят науке или подавляют ее, а та все время пытается вырваться из прочных объятий веры. Пересмотрев то, что они считали историческими столкновениями между церковью и учеными, авторы обеих книг объявили науку победителем.

Резкий тон этих произведений, необычный для того времени, хорошо выражен в первой из этих книг — «Истории конфликта между религией и наукой» американского энциклопедиста Джона Дрейпера, изданной в 1875 г.:

В конце концов дошло до того, что христианство римского толка и наука рассматриваются адептами той и другой стороны как абсолютно несовместимые. Они не могут сосуществовать. Одно должно покориться другому. Человечество должно сделать выбор — иметь и то и другое невозможно.

Как явствует из цитаты, Дрейпер видел основного врага науки именно в католицизме, а не в религии как таковой. Это объясняется преобладанием католицизма, продуманностью его догм и стремлением внедрять и поддерживать эти догмы при помощи гражданской власти. Кроме того, в конце

XVIII века антикатолицизм был очень распространен среди образованных американцев.

Книга «Борьба религии с наукой», изданная в 1896 г., была более объемной, более научной и более сложной как по истории создания, так и по замыслу. Ее автор Эндрю Диксон Уайт тоже был энциклопедистом — историком, дипломатом и просветителем. Он также был первым президентом Корнеллского университета в г. Итаке. Когда Уайт и его благодетель Эзра Корнелл в 1865 г. основали университет, в закон штата Нью-Йорк, определявший его задачу, было включено следующее требование. Члены какой бы то ни было религиозной секты не могли занимать большинство мест в попечительском совете университета. Также говорилось, что «люди любой религиозной принадлежности или без всякой религиозной принадлежности будут равно избираемы на все посты и должности». Настолько светский подход в те времена был почти уникальным.

Уайт, сам будучи верующим, утверждал, что целью такого плюрализма на самом деле было утверждение и продвижение христианства: «Будучи далеки от всякого желания навредить христианству, мы оба [он и квакер Корнелл] надеялись утвердить его. Однако в сектантской природе американских колледжей и университетов мы видели причину скудости дававшегося в них образования». Это была явная попытка организовать американский университет по европейскому образцу, устранив влияние религиозной догмы и подстегнув тем самым свободные исследования.

Этот план провалился. Светские намерения Уайта и Корнелла разозлили многих верующих, и те обвинили Уайта в следовании дарвинизму и атеизму, а также в том, что учебный план нового университета явно отклоняется в сторону естественных наук. К преподаванию допустили даже атеистов! (Некоторые считали, что каждый профессор должен быть пастором.) Попытка Уайта приобщиться к «любезной разумности» потерпела крах, и в конце концов он начал рассматривать борьбу за светский университет (которую выиграл) как одно из сражений в войне науки и теологии:

Тогда-то я и проникся ощущением настоящей проблемы — антагонизма между теологическим и научным взглядом на Вселенную и просвещение.

За этим последовали 30 лет изысканий, вылившиеся в издание весьма основательного двухтомника (намного более проработанного, чем труд Дрейпера). Книга вызвала горячие споры и стала бестселлером. Она издается до сих пор. Несмотря на перечисленные в книге случаи религиозных возражений лингвистическим исследованиям, библейским знаниям, медицинским нововведениям (вроде вакцинации и анестезии), улучшению системы здравоохранения, теории эволюции и даже применению громоотводов, Уайт настаивал, что его целью было показать конфликт не между наукой и религией, но лишь между наукой и «догматической теологией». В конце он выражал надежду — напрасную — на то, что его книга будет способствовать укреплению религии, поскольку убедит ее отказаться от ненужного вмешательства в дела общественных и естественных наук. В этом смысле книга стала предшественником примиренческих доводов Стивена Гулда в его теории «непересекающихся магистерий» науки и религии (об этом тезисе мы поговорим позже).

Что книгам Уайта и Дрейпера удалось, так это создать базу для обсуждения конфликта между наукой и верой. Но это вызвало гнев богословов и историков науки: они поспешили заявить, что «тезис о конфликте» попросту ошибочен. Некоторые историки науки утверждали, что Уайт и Дрейпер проявили себя плохими учеными и продемонстрировали невысокий уровень подготовки (да, они совершили кое-какие ошибки и оставили без внимания некоторые аргументы своих противников, но далеко не в тех масштабах, чтобы это могло обесценить их труд). Кроме того, по мнению историков науки, верное толкование взаимоотношений религии с наукой таково: эти области часто ладили друг с другом. Неприятие теорий Дарвина и Галилея, дескать, было печальным исключением в долгой и мирной истории церковно-научных отношений. Да и эти стычки были вызваны не религией, а политикой или

личными дразгами. В самом деле, многие научные открытия, как считали эти историки науки, были сделаны под влиянием религиозных взглядов. Науку же они представляли как продукт христианства, распространившегося на всю средневековую Европу.

Истина, как это часто бывает, лежит посередине между Дрейпером и Уайтом с одной стороны и их критиками с другой. Хотя невозможно отрицать, что религия сыграла важную роль в противодействии некоторым научным достижениям (теории эволюции, применению анестезии), другие, например, профилактические прививки от оспы, встречали со стороны церкви как противодействие, так и поддержку — и все это с опорой на Библию. С другой стороны, бесполезно говорить, что религия не играла роли в преследованиях Галилея и Джона Скоупса, это будет самообманом и искажением действительности. Тем не менее, поскольку не все религии противостоят науке, а многие верующие легко принимают научные достижения, то бессмысленно говорить, что наука и вера сошлись в вечной битве. Если рассматривать «тезис о конфликте» в этом смысле, то такая гипотеза будет неверна.

Однако моя позиция состоит не в том, что религия и наука всегда были непримиримыми врагами и что первая всегда тормозила вторую. Нет, я вижу в них конкурентов, которые претендуют на одни и те же территории и утверждают, что способны познавать Вселенную. Как я покажу в следующей главе, их несовместимость основана на различиях в методологии и философии, при помощи которых они устанавливают свои истины, и в результатах их изысканий. В своем стремлении опровергнуть утверждения Дрейпера и Уайта критики упустили главную тему обеих книг: неспособность религии установить истины хоть о чем-то — будь то сами боги или более земные вопросы вроде причин болезней.

Итак, что указывает на то, что на фронте науки и религии не все хорошо? С одной стороны, если бы две эти области были признаны совместимыми, то все споры об их согласованности уже бы закончились. На самом же деле они лишь разгораются.

Для начала немного говорящей статистики. База данных WorldCat, основанная в 1971 г., — это крупнейшее в мире собрание опубликованных произведений, в каталогах которого содержится порядка 2 млрд единиц из более чем 70 000 библиотек по всему миру. Если порыться в этом каталоге в поисках книг на английском языке на тему «наука и религия», то выяснится, что их число последние сорок лет стабильно растет: за десятилетие, завершившееся в 1983 г., их вышло 514, а за 1994–2013 гг. таких книг появилось уже 2574. И дело не в том, что книг стало издаваться больше. В этом несложно убедиться, если соотнести это число с количеством книг о религии в целом. Доля книг о религии, в которых речь также идет о науке, подскочила с 1,1% в первом упомянутом десятилетии до 2,3% в последнем. Если число книг о религии за это время почти удвоилось, то число книг о религии и науке выросло вчетверо. И хотя не во всех книгах из категории «наука и религия» речь идет о взаимоотношениях этих двух областей, данные подтверждают: интерес к теме растет.

Наряду с этим становится все больше академических курсов и программ, посвященных науке и религии. Как отметили в 1997 г. Эдвард Ларсон и Ларри Уитхем, «согласно одному из докладов, система высшего образования США теперь может похвастать 1000 курсов, посвященных науке и вере, тогда как студенту 1960-х гг. пришлось бы долго искать, чтобы найти хоть один». Исследовательские центры и академические институты, посвященные науке и религии, растут как грибы после дождя. Среди них Фарадеевский институт науки и религии в Кембриджском университете (основан в 2000 г.), Центр науки и религии имени Иэна Рэмси в Оксфордском университете (основан в 1985 г.) и Центр теологии и естественных наук в Беркли, который был основан в 1982 г. и может похвастать тем, что «уже 30 лет наводит мосты между наукой и теологией». Процветают также новые академические журналы, посвященные вопросам науки и религии (такие как «Наука, религия и культура», основанный в 2014 г.). Кроме того, как мы увидим, именитые научные организации начали включать в свои планы программы, связанные с религией, а также

делать заявления, призванные заверить широкую публику в том, что их деятельность не противоречит вере.

Для ученого очевиднейшим признаком отсутствия согласованности служит само существование подобных программ и заявлений. Они призваны убедить публику, что, хотя наука и религия на первый взгляд конфликтуют, на самом деле это не так. Но почему ученые пытаются это доказать? Одна из причин заключается в том, что я называю «синдромом хорошего парня»: говоря о религии только хорошее, можно понравиться гораздо большему числу людей, чем ее критикуя. Уверения в том, что твоя наука не лезет в дела религии и ничем ей не мешает, — верный способ угодить и американской публике, и вообще всем.

Далее, есть люди, которым просто не нравятся конфликты, — «люди доброй воли», как называл их палеонтолог Стивен Гулд. Для этой группы примиренчество представляется разумным способом избежать конфликта (аналогичную цель преследует запрет разговаривать о религии и политике за обеденным столом). Человек, который стремится примирить религию и науку, всегда выглядит непредвзятым и разумным, тогда как утверждение об их несовместимости помогает приобретать врагов и ведет к навешиванию на человека ярлыка «воинствующий». Причина понятна: религия занимает в нашем обществе привилегированное место. Нападать на нее нельзя, хотя критиковать веру в сверхъестественное или паранормальное, в экстрасенсорное восприятие или гомеопатию можно. Цель примиренчества — не защита науки, которая и сама способна за себя постоять, а демонстрация того, что религия каким-то образом все же может делать достоверные заявления об окружающем мире.

Но подлинная причина того, что ученые защищают примиренческую позицию, более эгоистична. Американские ученые — или, вернее, их материальная поддержка — в значительной мере зависят от американских граждан, которые в большинстве своем религиозны, и от конгресса США, который тоже религиозен. (Не секрет, что человеку, признающему себя атеистом, практически невозможно попасть в конгресс,

и во время избирательной кампании кандидаты вовсю щеголяют своей религиозностью.) Большинство исследователей получает грантовую поддержку от федеральных агентств вроде Национального научного фонда или Национального института здравоохранения, бюджеты которых ежегодно утверждаются конгрессом. Для ученых такие гранты — единственная надежда, ибо исследования — дело дорогое, а отсутствие научных результатов может привести к потере должности, отсутствию продвижений по службе или прибавок к зарплате. Любое заявление о том, что наука каким-то образом конфликтует с религией, способно привести к урезанию бюджета (по крайней мере, ученым так кажется) и поставить таким образом под угрозу их профессиональное благополучие.

Подобные мысли беспокоят всех ученых, но биологам-эволюционистам приходится несколько хуже. Среди наших союзников в борьбе с креационизмом много прогрессивных верующих, которые во всеуслышание заявляют, что теория эволюции не противоречит их вере. В судебных слушаниях по искам против государственных школ, в которых преподают креационизм, нет и не может быть более убедительного свидетеля, чем какой-нибудь верующий, который под присягой покажет, что эволюция вполне созвучна с его собственной религиозностью и что креационизм — не наука. Если бы ученые говорили открыто то, что многие из нас думают, — что религиозные верования в принципе противоречат науке, — то мы непременно настроили бы против себя этих союзников и, как предупреждают многие, затруднили бы принятие теории эволюции людьми, которые и без того пребывают в сомнениях насчет Дарвина. Однако не существует прямых доказательств ни этой точки зрения, ни того, что ученые, критикуя веру, подвергают опасности собственное благополучие.

Тем не менее многие научные ассоциации, существующие в религиозной среде и погруженные в религиозную культуру, предпочитают вести себя осторожно. Они заявляют, что наука вполне может сосуществовать с религией. Один из примеров — программа научного, этического и религиозного диалога Американской ассоциации содействия развитию

науки, посвященная «[развитию] общения между научным и религиозным сообществами». «Общение», за которое ратуют крупнейшие научные организации Америки, всегда позитивно. В подобных диалогах никогда не упоминаются какие бы то ни было конфликты между наукой и религией. Точно так же в программе Всемирного научного фестиваля (ежегодной мультимедийной выставки, которая проводится в Нью-Йорке) всегда имеется семинар или лекция на тему совместимости науки и религии. Фрэнсис Коллинз, бывший глава проекта расшифровки человеческого генома и нынешний директор Национального института здравоохранения (а кроме того — возродившийся в вере христианин-евангелист) основал BioLogos. Задача этой организации в том, чтобы помочь евангелистам, настроенным против теории эволюции, принять ее и при этом сохранить веру в Иисуса. К несчастью, пока ее успехи довольно скромны. И неслучайно все три упомянутые программы финансируются за счет грантов Фонда Джона Темплтона — богатой организации, которую основал миллиардер, сделавший состояние на паевых фондах. Джон Темплтон мечтал продемонстрировать всему миру, что наука может доказать существование Бога. Как мы вскоре узнаем, именно Фонд Темплтона и его громадные финансовые возможности лежат в основе многих программ, направленных на продвижение примиренчества.

Как и у организации BioLogos, цель проекта Clergy Letter — убедить верующих в том, что теория эволюции не противоречит их вере. Смысл этого проекта таков: религиозные лидеры и богословы пишут манифесты о том, что теория эволюции — не ересь. Национальный центр научного образования — важнейшая организация США, противодействующая распространению креационизма — ведет программу «Наука и религия», цель которой совпадает с целью Clergy Letter. Но вся эта деятельность порождает вопрос: если наука так легко согласуется с религией, то зачем нам столько публичных заверений в этом?

Тем не менее заверения продолжают звучать. Вот еще два. Первое исходит от Американской ассоциации содействия развитию науки:

Спонсоры многих из этих предложений [ограничить или ликвидировать преподавание теории эволюции в государственных школах] как в национальном, так и в местном масштабе, судя по всему, считают, что эволюция и религия противоречат друг другу. Такие взгляды достойны сожаления. Наука и религия не обязательно несовместимы. Они задают принципиально разные вопросы об окружающем мире. Многие религиозные лидеры подтвердили, что не видят конфликта между теорией эволюции и религией. Мы и подавляющее большинство ученых разделяем эту точку зрения.

Обратите внимание: это заявление хотя и сделано группой ученых, посвящено оно в основном теологии и подразумевает, что «истинным» религиям не обязательно конфликтовать с наукой. Но поскольку многие американцы считают иначе — включая и те 42% населения, которые принимают «креационизм молодой Земли», — в нем, по существу, говорится, что почти половина американцев неправильно понимают собственную веру. Ясно, что не дело группам ученых определять, что будет, а что не будет «правильной» религией.

А вот декларация Национального центра научного образования:

Эволюционная биология ничего не говорит о существовании или несуществовании Бога. Точно так же ничего не говорят об этом другие научные теории, такие как теория гравитации, строения атома или движения тектонических плит. Как и теория гравитации, теория эволюции совместима и с теизмом, и атеизмом, и с агностицизмом. Можно ли принимать эволюцию как наиболее убедительное объяснение биологического разнообразия и при этом держаться за идею, что через эволюцию проявляется воля Божия? Многие религиозные люди так и делают.

Но многие религиозные люди — возможно, большинство — так не делают. В конце концов, почти половина американцев согласны с утверждением, что «Бог создал человеческие существа почти в современной их форме в какой-то момент

в пределах последних 10 000 лет или около того». А если учесть, что почти 20% американцев — агностики, атеисты либо заявляют, что «ни во что конкретное не верят», можно утверждать, что большинство религиозных американцев отвергают идею эволюции даже в том случае, когда ею управляет Бог.

Ирония всех этих заявлений состоит в том, что значительная доля ученых (в том числе подавляющее большинство успешных) — атеисты. И хотя сами они отвергли Бога (вероятно, потому, что существование сверхъестественных существ противоречит их мировоззрению, основанному на объективных данных), многие из них считают религиозную веру социально полезной, просто сами они в ней не нуждаются. В минуты откровенности некоторые ученые признают, что на самом деле эти примиренческие заявления мотивированы уже упоминавшимися личными и политическими столкновениями.

Аналогичные заявления можно услышать и с другой стороны. В «Катехизисе католической церкви», к примеру, сказано, что вера не может конфликтовать с фактами, поскольку и разум и вера у человека от Бога:

Хотя вера превышает разум, никаких настоящих расхождений между верой и разумом быть не может. Поскольку тот же Бог, который раскрывает тайны и вселяет веру, даровал человеческому сознанию свет разума, Бог не может отрицать сам себя, и истина не может противоречить истине. Следовательно, методичные исследования во всех областях знания, если только они проводятся строго по-научному и не попирают моральные законы, никогда не могут конфликтовать с верой, поскольку и мирское и духовное исходит от одного и того же Бога.

Обратите внимание: вере отдается приоритет перед разумом. Дикое утверждение, наглядно подтверждающее тот самый конфликт, который церковь отрицает. Если две системы существуют бок о бок, какой смысл ставить одну из них выше другой? Мало того. Католическая церковь в основном дружелюбно относится к теории эволюции, но, как мы увидим чуть позже, многие американские католики являются «креационистами

молодой Земли», тем самым открыто отвергая позицию своей церкви. Как еще это можно назвать, если не противоречием между верой и разумом?

Приоритет веры над разумом — политика не только католической церкви. Аналогичных взглядов часто придерживаются и приверженцы других религий. Опрос американцев, проведенный в 2006 г. журналом *Time* и Центром Роупера, дал результаты, которые напугали бы любого ученого. На вопрос о том, как они поступят, если наука покажет, что какие-то из их религиозных убеждений ошибочны, чуть ли не две трети опрошенных — 64% — сказали, что в этом случае они отвергнут научные данные в пользу своей веры. Лишь 23% готовы были подумать о том, чтобы изменить свои религиозные убеждения. Поскольку в опросе не пояснялось, какие именно религиозные убеждения вступили бы в противоречие с наукой, можно предположить, что потенциальный конфликт между наукой и религией не ограничивается теорией эволюции. Он затрагивает любое научное открытие, вступающее в противоречие с верой. (Чуть позже мы поговорим о нескольких подобных открытиях, опровергающих утверждение о том, что предками всего человечества были Адам и Ева.) Другой подобный опрос подчеркнул вторичность научных доказательств с точки зрения верующих: среди американцев, отвергающих факт эволюции, основной причиной такого отношения служили религиозные убеждения, а не недостаток научных данных.

Одних этих цифр достаточно, чтобы подвергнуть сомнению заявления религиозных и научных организаций о том, что наука и религия вполне совместимы. Почти две трети американцев готовы принять научный факт, только если он явно не противоречит их вере. А это значит, что никакие достижения науки не влияют на их мировоззрение.

В самом деле, опросы американцев, принадлежащих к разным вероисповеданиям или не принадлежащих ни к одному, показывают, что наличие конфликта между наукой и верой понимается очень многими. К примеру, опрос Исследовательского центра Пью, проведенный в 2009 г., показал следующее. 55% ответили «да» на вопрос «Часто ли конфликтуют наука